

Социология преступности

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК?

Я. И. Гишинский

Санкт-Петербург

*Волк волку человек
И. Эренбург*

*Человек является единственным
видом, в котором борьба носит
уничтожающий характер.*

Н. Тинберген

Насилие - в различных его проявлениях - неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия. В современном мире наблюдается эскалация насилия. Возможно, однако, что такое впечатление (*omnia opinia doctorum!*) объясняется не столько реальным увеличением «массы» насилия, сколько, во-первых, интуитивно осознаваемой угрозой самому существованию человечества в условиях, когда субъекты насилия в принципе обладают средствами, достаточными для ликвидации всего живого на Земле, а во-вторых, ростом духовности в цивилизованных странах, не совместимой с насилием.

В буквальном смысле жизненно важная проблема насилия породила волну литературы о нем и науку о насилии - виолентологию

(от лат. *violentia* - насилие) или вайолентологию (от англ. *violence*), которая призвана исследовать феномен насилия, выяснить порождающие его причины, а также выработать принципы и направления его предупреждения.

Попытаемся рассмотреть эту проблему, понимая под насилием враждебное отношение к объекту посягательств, овеществленное в действиях, направленных на его разрушение (повреждение или уничтожение).

Врождённая агрессивность?

«Какое зверское убийство!», «нечеловеческая жестокость», - восклицаем мы, в который раз услышав об особо жестоком преступлении. «Не человек, а зверь!» - говорим об убийце, насильнике, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клеветаем на зверей...

Вместе с тем, вряд ли случайным является то обстоятельство, что не только на уровне обыденного сознания, но и в научных дисциплинах до сих пор насильственные действия нередко объясняются биологическими, врожденными свойствами человека как представителя рода *homo sapiens*: агрессивностью, злобностью, воинственностью и т.п.

Конечно, когда встречаешься с категорическими утверждениями: «склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы» (1), «пагубный по своим размерам агрессивный инстинкт... и по сей день сидит у нас, людей, в крови» (2), «человек по своей природе хищник, врожденным и естественным инстинктом которого является убийство» (3), «мы менее агрессивны, чем гориллы, но более агрессивны, чем бабуины, шимпанзе и гиены» (4) и т.п. - может возникнуть желание столь же категорично их опровергнуть. Для этого есть два пути: противопоставить врожденной агрессивности врожденный альтруизм (как это делает, например, В.П. Эфроимсон) или же (вслед за Н.П. Дубининым) отрицать врожденность, генетическую запрограммированность и агрессивности, и альтруизма.

Представляется, однако, что проблема заслуживает более пристального рассмотрения.

Во-первых, многие недоразумения возникают из-за различного понимания самого понятия «агрессивность». Если агрессивность отождествляется с «жизненной силой», «жизненной энергией» (Г. Селье), «воинственным энтузиазмом» (К. Лоренц), активной самозащитой и т.п., то, очевидно, агрессивность присуща всем животным и человеку. Но

тогда теряется, размывается сама специфика агрессивности, агрессивного поведения. Вряд ли можно считать собственно агрессивным поведение хищника по отношению к жертве, поскольку с неменьшим основанием «агрессором» предстает заяц, поедающий капустные листья. Очевидно, агрессивность предполагает враждебное отношение к объекту посягательств.

Во-вторых, самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает то, что человек не может освободиться полностью от свойств, присущих животному, и речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени.

Поэтому, очевидно, перспективно исследование особенностей (условий) проявления агрессивности человека, а не принципиальный отказ от возможности какого бы то ни было сравнения ее с агрессивным поведением животных. Так, согласно экспериментальным данным, «изоляция щенков и детенышей обезьян от их матерей и сверстников приводит к развитию тяжелой депрессии, общего угнетения, накладывающего неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь животного, его поведение и отношение к окружающему миру. Нередко это вызывает повышенную агрессивность и «антисоциальное» поведение. Отнюдь не отождествляя агрессивность собак и обезьян с поведением человека, можно все же утверждать, что изучение индивидуального развития высших животных представляет несомненный интерес для анализа так называемой «немотивированной» агрессивности подростков, ставившей в тупик криминологов и педагогов» (5).

В-третьих, внутривидовая агрессия как раз в меньшей степени присуща животным, чем человеку. И если К. Лоренц считает, что «внутривидовая агрессия у людей представляет собой совершенно такое же самопроизвольное инстинктивное стремление, как и у других позвоночных животных» (6), то большинство зарубежных авторов подчеркивают исключительность массовой внутривидовой агрессии и насилия (Р. Хартогс, Е. Артт, Ш. Волин, Н. Тинберген и др.). Во всяком случае, у животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует... Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов» (7). Исследования показали, в частности, что борьба между обезьянами (наиболее

близкими к человеку по степени агрессивности) ограничивается угрозами, укусами, ранениями соответственно как 1000:50:1. И не заставляет ли задуматься при объяснении человеческих пороков животными инстинктами «тот факт, что намеренное убийство особей своего вида отсутствует в мире животных, а черепа первобытных людей, проломленные каменным топором, находят в одном археологическом слое с первыми каменными топорами» (3). Со времен первых каменных топоров средства взаимного уничтожения людей непрерывно прогрессировали. По неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время (т.е. более чем за 5590 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет уходящего XX века в мире произошло 154 войны («малых»!), стоивших человечеству свыше 100 млн. жизней. Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?!

О несостоятельности объяснений человеческой агрессивности и насилия «животным» происхождением свидетельствует и отношение к детям. Так, «избирательно хорошее отношение к собственному ребенку и неприязнь к ребенку «не своему» (скажем, к ребенку супруги от первого брака) часто объясняют «голосом крови», «животным инстинктом». Между тем многие животные легко принимают к себе детенышей даже других видов, кормят, защищают, обучают их, как собственных. Отсюда можно сделать вывод, что у человека деление детей на «своих» и «чужих» возникло в ходе общественного развития, а не является результатом его «животного» происхождения (9). Более того, именно у людей наблюдается относительно распространенная и усиливающаяся агрессивность по отношению к собственным детям, и насилие в отношении детей (своих и чужих) приняло в современном мире катастрофический характер (10).

Наконец, убийство среди животных всегда «инструментально»: из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращается в самоцель, не бывает как у людей - «просто так», куражу ради, «из хулиганских побуждений». Если волк вынужден есть зайца, а заяц - капусту, то человек уничтожает и тех и других «ради спортивного интереса»...

Так что, в-четвертых, «если проявление истребительной внутривидовой агрессивности - это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними?» И тогда, очевидно, «специфические

особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают»... (11).

Однако, прежде чем перейти к действительно необходимому исследованию социальных причин агрессивности людей и насилия в обществе, остановимся, по необходимости кратко, на истоках и агрессивности, и насилия в контексте некоторых фундаментальных закономерностей Мира. Это позволит лучше понять подлинное соотношение биологического и социального в изучаемых явлениях, прояснить биологические (вообще естественные, природные) предпосылки социальности.

Немного физики и «метафизики»

И человечество, и человеческое общество - лишь этапы, фрагменты Единого мирового процесса самодвижения, самоорганизация материи (12).

Самодвижение Вселенной (от первичной сингулярности и Большого Взрыва) осуществляется в двух основных формах: самоорганизация (убывание энтропии, повышение негэнтропии и степени организованности) и самодезорганизации (возрастание энтропии, хаотичности, снижение уровня организованности). Количественно определяемым критерием направленности развития (изменения) системы может служить энтропия - ее возрастание свидетельствует о преобладании нисходящих, регрессивных, дезорганизационных процессов, а уменьшение - о преобладании восходящих, прогрессивных процессов, повышении уровня организованности.

Процесс развития можно представить как уменьшение энтропии и увеличение негэнтропии в развивающейся системе. Уменьшение энтропии возможно за счет накопления информации. При этом, однако, «уменьшение энтропии в самой самоорганизующейся системе может иметь место лишь за счет ее увеличения в среде» (13).

Единство и взаимодействие (дополнительность) процессов организации и дезорганизации, созидания и разрушения, негэнтропийных и энтропийных, возникновения и гибели («добра» и «зла») - суть проявления объективной диалектики бытия материального мира.

Диалектика энтропийных и негэнтропийных процессов (их гипотический мировой <<баланс>>) предполагает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из «островков» относительного преобладания негэнтропийных, информационных процессов стала Земля, породившая эволюционирующий ряд информационно-генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека. Биосфера в целом выступает как антиэнтропийная система.

Так вырисовывается и «функция» человечества в мире, образно сформулированная Н. Винером: «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы» (14). В рассматриваемом отношении общество предоставляет собой высшую форму развития негэнтропийной тенденции живой природы. Как же осуществляется эта тенденция?

Существование любой системы (в том числе общества) есть процессирующее тождество сохранения и изменения. Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают изменения как «средство» сохранения. Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктации»).

Важнейшим элементом механизма сохранения - изменения служит адаптация (как приспособление к среде и «приспособление» среды). В соответствии со вторым законом термодинамики и принципом возрастания энтропии, повышение уровня организованности системы возможно лишь за счет увеличения энтропии среды, ее дезорганизации (принцип Расплаты). В целом эволюция Вселенной (во всяком случае, в известной нам части «нашей» Галактики) идет пока по пути усложнения (повышения степени организованности) вновь возникающих, «порождаемых» материей уровней ее организации. Это усложнение, появление все более высоко организованных систем также происходит за счет дезорганизации среды, средовых систем. Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации.

Возрастание организованности биологических систем происходит следующим образом: «более активные особи, лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более устойчивые особи, т.е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также

вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии» (15).

«Возвышение» от физического уровня организации материи до биологического означает появление новых, более эффективных способов адаптации. В процессе дарвиновского естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности. Однако за все приходится платить! «Сохранение всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации» (16). Надо ли напоминать, что травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений.

Появление в процессе эволюции общественного человека - «средства» самопознания материи (не в этом ли глобальный, космический «смысл» и «предназначение» Человечества?) - означало переход на новый, социальный уровень ее организации. Однако эта новая система - «общество» - есть результат все того же Единого мирового процесса самоорганизации материи, его этап, момент Истории Вселенной и подчиняющийся ее фундаментальным законам. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного «силового» изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в «сверхборьбу за лучшее существование».

Человеческое, слишком человеческое...

Дарвинская триада (изменчивость - наследственность - отбор) фиксирует новый, более эффективный «способ» адаптации живых существ по сравнению с «мертвой материей», физическим (добыологическим) уровнем организации мироздания. Род *homo sapiens* венчает биологическую пирамиду и служит «ступенью» перехода к более высокому уровню организации материи - социальному. При этом человек остается биологическим существом и несет с собой выработанное в процессе эволюции «наследство», включая агрессивность, которая была ему необходима для того, чтобы утвердиться на планете среди зубастых и клыкастых... Биологическое происхождение агрессивности

как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается и в современной социобиологии (Уилсон и др.)-

На начальных стадиях антропосоциогенеза «действовал обычный стадный закон: лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищали, а старых и немощных представителей отдавали в качестве естественной дани на съедение волкам, гиенам и всем тем, кто охотился на двуногих наземных полуобезьян» (17).

Но постепенно, с развитием искусственных орудий и общественных способов производительной деятельности, все большую значимость приобретают носители знаний, навыков и умений - первобытные умельцы и мудрецы. И тогда наряду с агрессией и насилием в обществе начинает действовать запрет «не убий!» как эволюционное «средство» выживания не только «сильнейших», но и «умственных». Как пишет академик Н.Н. Моисеев, «принцип «не убий!» разрешал противоречия между «сильным» и «умным» в пользу последнего... Жизненной необходимостью стада пралюдей сделалась потребность защищать не только самок и потомство, но и тех, кто был носителем знаний и мастерства или мог бы им стать» (18). С точки зрения цитируемого автора, возникновение этого запрета и положило предел морфологическому совершенствованию человеческого организма, предел внутривидовому отбору. Развитие рода «человек» перешло на новую - социальную ступень. Адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма - общества (которое само возникло и функционирует как «средство» адаптации *homo sapiens!*). Агрессивность, уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, является теперь в форме социального насилия, обусловленного законами социального развития, к рассмотрению которых и привел нас исследуемый сюжет.

Общество - та форма, то «средство», которое обеспечивало человеческому роду осуществление его «миссии» в мироздании: самопознание материи ее продуктом!... Приглядимся пристальнее к тому, как в едином эволюционном процессе становится социальная форма организации материи, как обеспечивается механизм сверхадаптации общественного человека и - какой ценой расплачиваются человек, общество, природа за «сверхмогущество» ее «венца»...

Если способ существования органической, живой материи - суть активность вообще, то в процессе антропосоциогенеза становится предметная коллективная сознательная деятельность как способ существования общественного человека. Человеческая деятельность выступает инобытием биологической активности.

«Орудием» природы, «заставляющим» общественного человека в процессе предметной производительной деятельности выполнять свою негэнтропийную функцию, служат потребность, точнее, - неудовлетворенные потребности, - нужда (не в этом ли проявляется гегелевская «хитрость мирового разума», который «творит» Историю руками человека?!), именно они определяют содержание деятельности.

Но человек присваивает продукты природы, а также ее «перерабатывает», трансформирует, модифицирует, творит «вторую природу» в процессе совместной, коллективной деятельности. Так что отношения между человеком и природой - лишь одна сторона человеческой деятельности. Другая же сторона - отношения человека к человеку, общественная коллективная связь людей. Способ связи, отношения между индивидами в процессе их совместной материальной и духовной деятельности, та форма, в которой эта деятельность протекает, - и составляет сущность социального. Выражением совокупности этих связей и отношений выступает общество как целое, как система.

Люди и их совместная деятельность составляют естественную предпосылку общества как системы. Раз возникнув, общество развивается по законам целого. И одним из свойств социальной системы является экспансия, т.е. тенденция к количественному увеличению, росту, расширению и распространению на среду своего экономического, политического, идеологического влияния, в том числе - насильственными средствами (19).

Переход от биологических закономерностей органического мира к социальным законам развития общества означал, в частности, что на смену биологическому наследованию (не отменив его, но существенно «потеснив»), пришло социальное наследование: механизм накопления, хранения и передачи от человека к человеку и от поколения и поколению социально значимой информации (а следовательно, обеспечение развития негэнтропийных процессов). Таким наиболее общим внебиологическим механизмом накопления, хранения и передачи информации выступает культура как специфически человеческий способ деятельности, обеспечивающий социальное наследование (Э.С. Маркарян). Культура служит внебиологическим способом аккумуляции и трансляции человеческого опыта и, тем самым, - специфическим негэнтропийным адаптационным механизмом.

Переход с биологического уровня на социальный приводит к изменению механизма наследования, к «вытеснению» генетического наследования культурой, а также к переходу от отбора индивидов («сильнейших») к отбору форм организации и форм деятельности.

Культура вбирает подчас аксиологически противоположные, но адаптивные, функциональные способы (формы, образцы.) деятельности, «отбираемые» в процессе эволюции. Это - чрезвычайно важное положение, объясняющее, почему многовековая «борьба» с некоторыми аксиологически неприемлемыми, порицаемыми явлениями (потребление алкоголя и наркотиков, корыстные и насильственные преступления, проституция и т.п.) не приводит к их полному «уничтожению», преодолению. Очевидно, что сохраняющиеся формы социальной патологии объективно функциональным, выполняют явные или латентные функции, и только поэтому не элиминированы в процессе эволюции общества («сбалансированный полиморфизм») (20). И в этом смысле - «все действительно разумно»!...

Сказанное полностью относится и к различным проявлениям социального насилия (от революций до контрреволюций, от войн до насильственной преступности). «Эволюционная мясорубка работает социальными ножами с той же эффективностью, что и биологическими» (21). Однако в целях лучшего понимания социальных причин насилия продолжим наш анализ.

Развивающаяся способность человека производить больше, чем это необходимо для самовоспроизводства, роста населения, производительности труда, потребностей приводит к общественному разделению труда. Значение общественного разделения труда в истории человечества трудно переоценить. Благодаря разделению труда и основанной на нем специализации стали возможны достижения материального и духовного производства, составившие золотой фонд цивилизации и основу общественно-экономического и научно-технического процесса.

Однако общественное разделение труда как расщепление универсальной, тотальной деятельности породило и иные, негативные последствия: односторонность, частичность развития работника; социальную дифференциацию и неравенство; отчуждение самой деятельности (процесса труда), его условий и результатов (продукта труда), общественной жизни и ее институтов (экономических, политических, идеологических), отчуждение всего социального мира, который становится чуждым человеку, выступает как внешняя принудительная и слепая сила.

Наконец, отчуждение человека от человека. Личные отношения между членами первобытного общества сменяются вещными (опосредственными вещами). Выражением «овеществленных» форм общения служат деньги. Все продается и все покупается в мире вещей и денег. Не случайно Г. Зиммель отмечал, что природа денег и проституция аналогична, что в условиях товарно-денежных, вещных, отчужденных

отношений проституция становится символом межличностных отношений. Деньги губят природу вещей одним своим прикосновением (22). Обезличивание человеческих отношений, их овеществление приводит и к обесценению человека, его жизни, здоровья, достоинства.

Все это способствует эскалации насилия во всех его проявлениях. Так, для наиболее тяжелых насильственных преступлений характерно пренебрежение к жизни и здоровью других людей, обесценение чужой жизни как следствие крайней степени отчуждения. Это особенно ярко (и страшно) проявляется в так называемых «безмотивных» жестоких преступлениях, когда уничтожение себе подобных, глумление, издевательство, истязание, мучительство становятся самоцелью (что - подчеркнем еще раз - совершенно неизвестно миру животных...).

Следует заметить, что, вообще говоря, одним из важнейших критериев прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности (а следовательно, уменьшения энтропии) служит дифференциация, усложнение структуры, разнообразие составляющих систему элементов. Это особенно важно подчеркнуть сейчас, когда необходимо формирование нового мышления, освобождение его от догматических оков и завораживающих стереотипов казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия, десятилетиями культивирующегося «синдрома единообразия». Закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби действует и в социальном мире. Это хорошо понимают зарубежные исследователи, в частности активный сторонник повышения уровня социального многообразия О. Тоффлер (23).

Социальная дифференциация как следствие углубляющегося разделения труда была объективно прогрессивным процессом. Вместе с тем, как все в этом мире, она влекла негативные последствия (которые, в свою очередь, служили стимулом прогрессивных изменений как результата «разрешения» противоречий). Так, неодинаковое положение классов и социальных групп в системе общественных (и прежде всего - производственных) отношений, в социальной структуре общества, обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворять свои потребности. Социальное неравенство порождает социальный протест, выражающийся в различных формах - от самого «простого» (пьянство) до преступлений и революций, от античных киников до современных хиппи и панков, «ультра» и «новых левых».

Социальные причины насилия и кроются прежде всего в социальной иерархии, социальном неравенстве, в неравенстве возможностей удовлетворения потребностей, а стало быть в различии интересов классов (слоев), социальных групп и индивидов.

Социальное неравенство потому и выступает основным источником социальных конфликтов и столкновений (в том числе кровавых, хотя бывают и бескровные), что реальные возможности («поле» возможностей), шансы удовлетворения потребностей и интересов определяются прежде всего социальным положением индивида или же группы, их местом в производстве, в социальной структуре.

Следует заметить, что обусловленность социальных конфликтов, протестных форм деятельности, преступлений социальным неравенством понималась многими учеными. Еще М.Н. Гернет, анализируя взгляды социологов и криминологов XIX века, отмечал, что по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений», а Принс «главной причиной преступности» считает «современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами». С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильно, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка и бедности к невозможности удовлетворения всех своих потребностей ведет к преступлению» (24).

В современной социологии конфликта утверждается, в частности, что «нехватка ресурсов в обществе неизбежно порождает борьбу за их распределение... из-за различия своих интересов различные общественные группы преследуют разные цели и, следовательно, должны соперничать друг с другом» (25). Один из крупнейших теорий конфликта Р. Дарендорф признает: «Социальное неравенство, пронизывающее сверху донизу все наше общество, восстанавливает одних людей против других, обуславливает конфликты и борьбу между ними» (26). Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества» (27).

Вообще, в детерминации социально значимого поведения решающим является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различия, «разрыв» в возможности их удовлетворения для разных социальных групп, степень социального неравенства.

В детерминации различных форм социального насилия особую роль играют собственно социальные потребности (точнее, их неудовлетворенность) - в престиже, статусе, самоутверждении, в творчестве и т.п. Если не удовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворительная социальная потребность - к «сверхборьбе за сверхсуществование»!... Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как

правило стеничны и агрессивны» (28). Насилие чаще (и раньше) других нежелательных для общества форм деятельности выступает «средством» самоутверждения, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные, творческие, конструктивные способы самоутверждения. И тогда «как предельный случай самоутверждения - убийство» (29). Даже, казалось бы, такое «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование, в действительности, зачастую не столько преследует цель удовлетворения витальной - сексуальной потребности, сколько служит способом самоутверждения (при невозможности «самоутвердиться другим путем, чем сексуальный» (30). Об этом говорят и данные эмпирического исследования, проведенного в 1987 г. с участием автора: из общего числа опрошенных насильников лишь 8,5% указали на половое влечение как мотив содеянного.

Исторически позже - по мере развития производительных сил и появившейся возможности накапливать производимые «излишки» - возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление богатств. Этот процесс с интересующих нас позиций проанализирован американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей» (32). Итак, Насилие (война), Власть (государственное управление), Богатство (материальные ценности) - вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей и почета). Распространенные, но единственные ли? К счастью, нет. Т. Веблен усматривает возможную им альтернативу в «инстинкте мастерства» (творчества!), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам» и «является судом высшей инстанции в любом вопросе экономической истинности и адекватности».

Нравится нам или не нравится, но пока насилие неизменно сопровождало всю человеческую историю. Более того, прослеживается эскалация насилия: от войн «племени против племени» в первобытном обществе до мировых войн XX столетия и угрозы тотальной войны и тотального самоуничтожения человечества на пороге века XXI...

Кстати говоря, не следует идеализировать доклассовые отношения в первобытном обществе. Наряду с межплеменными войнами насилие

служило средством «разрешения» индивидуальных конфликтов (из-за женщины, по поводу статуса и др.). «Излишняя», с точки зрения коллектива, удача одного из сородичей вызывала недовольство других вплоть до требования убить «удачника» (Читатель! Вам это ничего не напоминает?!). Впрочем, можно было и откупиться, устроив праздник за счет «излишка» приобретенного. А мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения» (32).

Насилие - лишь одна из форм онтологически нерасчлененной человеческой деятельности по удовлетворению потребностей. Специфика насилия - принуждение других к определенной деятельности (или бездействию) или силовое же сопротивление принуждению.

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества, насилие все больше приобретает характер социального как способ разрешения общественных антагонизмов, принуждения определенных классов и социальных групп к деятельности, чуждой их интересам. И тогда социальное насилие становится как средством осуществления внешней (войны) и внутренней (подавление бунтов, восстаний и революций, репрессии против классовых, идеологических или иных противников) политики государства, так и средством борьбы за власть (революция и контрреволюция).

При этом государство монополизировало право на умерщвление - от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий. Поскольку «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенций человека» (33), постольку разумно предположить, что уровень насильственных преступлений (один из видов насилия) будет значительно выше среди тех групп населения, которые наиболее отчуждены и от престижных, творческих видов труда, и от власти, и от культуры, и от средств потребления. Психологическое объяснение этому дается в ряде работ отечественных и зарубежных авторов, в частности в трудах Э. Фромма (34).

И действительно, на территории бывшего Союза ССР в 1990 г. доля рабочих из числа лиц, совершивших умышленные убийства (и покушения на умышленные убийства), составила 51,3%, тогда как служащих всего 2,7%; из всех лиц, причинивших умышленные тяжкие телесные повреждения, доля рабочих - 58,7%, а служащих - 1,8%;

аналогичные показатели по изнасилованиям и покушениям на изнасилования - 49,6% и 1,3% (35). Доля трудоспособных неработающих и неучащихся выросла с 1986 по 1990 г. среди лиц, совершивших умышленные убийства (и покушения на умышленные убийства) с 19,4% по 25,3%; среди лиц, причинивших умышленные тяжкие телесные повреждения, - с 16,3% до 20,9%, среди насильников - с 15,6% до 24,1% (35). Таким образом, в 1990 г. каждое четвертое умышленное убийство и изнасилование и каждое пятое умышленное тяжкое телесное повреждение были совершены аутсайдерами, изгоями - не имевшими постоянного места работы или учебы.

По нашим данным, в Санкт-Петербурге «коэффициент криминальной активности» (частное от деления доли исследуемой социальной группы среди преступников на долю ее в населении региона) оказался: по убийствам - у рабочих 1,9, у служащих - 0,17; учащихся - 0,28; по тяжким телесным повреждениям - соответственно 1,97; 0,16; 0,39; по изнасилованиям - 1,59; 0,14; 1,0. Высока доля лиц, не работающих и не учащихся - 15-25% в целом по тяжким насильственным преступлениям.

Повышена криминальная агрессивная активность у молодежи и несовершеннолетних (маргиналы, по определению), у лиц с относительно невысоким образовательным уровнем (коэффициент криминальной активности в Петербурге у лиц с неполным средним образованием - 1,3-1,7, с высшим - 0,1).

Что касается лиц с большими социальными возможностями, то они если и самоутверждаются посредством нелегальной деятельности, то скорее в сфере Богатства («теневая экономика» и т.п.) или Власти (коррупция и т.п.).

Будучи, как любые поступки человека, способом удовлетворения потребностей, насильственные действия либо «рациональны», инструментальны как средство удовлетворения преимущественно витальных потребностей, либо «нерациональны», эмоциональны и служат средством удовлетворения преимущественно социальных потребностей - в престиже, социальном статусе, самоутверждении.

Факторами, способствующими эскалации насилия, служат: крайняя поляризация групповых интересов (всемогущество и богатство одних при бедности и нищете других); отчуждение трудящихся от политики, экономики, искусства; обесценение жизни в условиях отчуждения, господства Организаций и Административной системы; монополизация государством права на умерщвление (в Афганистане или же по приговору суда к «исключительной» мере наказания...); обострение межклассовых, межгрупповых, межнациональных, межличностных кон-

фликтов в ситуации глобальных и локальных кризисов; сокращение реальных легальных возможностей самоутвердиться в социально полезной, нестандартной, творческой деятельности. Вот почему столь губительны последствия нивелирования личности, «искоренения» всякого инакомыслия и инакодействия в тоталитарном государстве.

Quo vadis...

Очевидно, человечество в «борьбе» с природой и самим собой (войны и т. п.) достигло некоей критической, пороговой, бифуркационной точки, когда каждый последующий шаг может привести к непредсказуемым последствиям.

Об этом свидетельствует, в частности, совпадение во времени глобальных кризисов: экологического, энергетического, продовольственного, возможности ядерной катастрофы и др. В основном многих (если не всех) кризисов лежат экспансионистские, агрессивные притязания и методы их реализации.

Вообще говоря, для системы обычно прохождение в процессе эволюции бифуркационных точек, состояний, когда в результате постепенно накапливаемых изменений система оказывается перед «выбором» качественно иного пути развития (или - гибели). Старый адаптационный механизм «не срабатывает». Требуется принципиально новый механизм, или же систему ждет гибель (не случайно, по терминологии Р. Тома, бифуркация - это катастрофа). Бифуркация - точка разветвления пути, но вот по какой ветви пойдет дальнейшее развитие - принципиально непредсказуемо!

При всей вероятности для человечества катастрофического варианта, просматривается и другой, «оптимистический», связанный с ненасилием и творчеством - как альтернативой Насилию.

Очень важно понять, что второй, оптимистический вариант не может реализоваться сам собой. Хотя бы потому, что в силу второго закона термодинамики и принципа возрастания энтропии для системы «проще», «естественнее», «экономичнее» саморазрушение, дезорганизация. Повышение степени организованности требует дополнительных «усилий», активного привлечения внешних для системы источников энергии. Этой фундаментальной закономерностью зачастую пренебрегают, уповая на оптимистический исход «само собой». Как ребенок и юноша не представляют для себя реальности смерти, этого неизбежного конца индивидуального существования, так взрослые не верят в возмож-

ную гибель человечества. Этот антропоцентристский оптимизм особенно безумно и отчетливо проявляется в российском «авось». Между тем, так показали исследования, проводившиеся по инициативе Римского клуба, «установившийся ход развития экономического и демографического процессов может иметь только катастрофические последствия» (36). Поэтому встречающиеся «проекты» просто затормозить (прекратить) научно-технический и экономический прогресс не только утопичны (типа руссоистского "назад к природе"), но и бесперспективны, даже в случае их реализации!

Требуются новое мышление и новая политика, основывающиеся на понимании того, что, во-первых, противоречия интересов (обществ и государств, социальных групп и индивидов) и социальные конфликты неизбежны (более того, плодотворны, служат источником прогресса). Во-вторых, способы разрешения конфликта должны носить ненасильственный характер. При этом, в-третьих, неизбежны компромиссы. А следовательно, в-четвертых, для этого должны быть созданы механизмы, социальные организации по выработке компромиссных, ненасильственных средств и способов разрешения постоянно возникающих конфликтов («институты согласия», по Н.Н. Моисееву, или институты посредничества, по И. Кристи) (37).

Но для этого, в свою очередь, в мире победить представления о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов (по сравнению с национальными, классовыми, религиозными и любыми другими), об абсолютной ценности каждой человеческой жизни (и жизни вообще - *veneratio vitae!*), о самоценности Индивидуальности, разнообразия личностей и опасности усредненной, обезличенной личности, о терпимости как благе, а насилии - как абсолютном зле. Нет таких целей, которые оправдывали бы человеческие жертвы!

Социальное творчество как «способ» адаптации и средство самоутверждения должно потеснить и заменить в этих качествах агрессивность, стяжательство и «волю к власти».

Социальное насилие, возникшее как средство адаптации, сохранения и развития «венца природы», исчерпало себя в этом качестве, становится не только нефункционально и неадаптивно, но и угрожает самому существованию человечества. Случай не уникальный в истории Земли. Так, вымерли сильные и злобные гигантские ящеры. Их ранее адаптивные возможности стали неадаптивны. Ящеры не смогли по ходу эволюции «перестроиться»... А человечество?

1. **Frend S.** Arguments for Instinct of Agression and destruction // Abstracts of S. Frend. Porkville, 1971. Vol. XXI p. 152.
2. **Jorenz K.** Das sogenannte Bose. Wien, 1965. S. 64.
3. **Ardrey P.** African Jenesis. N7, 1967. P.322.
4. **Уилсон Э.** "Степень животности " // Диалоги: (Политические статьи о возможных последствиях развития современной науки). М., 1979. С. 157.
5. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 20. С.102; **Симонов П.** Степень человечности // Диалоги. С.166. См. также: **Ротенберг В.С., Аршевский В.В.** Поисковая активность и адаптация. М., 1984. С.41.
6. **Jorenz K.** On agression. N7, 1967. P.9.
7. **Симонов П.** Знание - против зла // Диалоги. С. 269.
8. **Симонов П.** Ошибки биологического пессимизма // Диалоги. С.149.
9. **Симонов П.** Степень человечности // Диалоги. С.170-171.
10. См., например: **Ефремов А-М.** Жертвы жесткости - дети. М, 1985.
11. **Бассин Ф.** Тяжкое время легких аналогий // Диалоги. С.51, 55.
12. **Моисеев Н.Н.** Алгоритмы развития. М., 1987. С.11,19,63 и др.
13. **Маркарян Э.С.** Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981. С.149.
14. **Винер Н.Я.** - математик. М., 1967. С.311.
15. **Шмальгаузен И.И.** Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968. С.139.
16. **Камшилов М.М.** Эволюция биосферы. М., 1979. С.216.
17. **Моисеев Н.Н.** Указ.соч. С.110.
18. Там же. С111.
19. Подробнее см.: **Айдинян Р.М.** Введение в теорию социальной организации: Учебное пособие. Л., 1980. С.116-119. Вообще же экспансия, как овладение средой, также присуще миру живого (см.: работы **В.И. Вернадского, А.А. Ухтомского**, а также: **Грант В.** Эволюция организмов. М., 1980. С.333 и след.).
20. О некоторых функциях преступности см.: **Гилинский Я.И.** О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. №5. С.49-56; **Рейсман В.М.** Скрытая ложь: Взятии: «крестовые походы» и реформы. М., 1988; **Яковлев А.М.** Социология экономической преступности. М., 1988.
21. **Левитин К.** Горящий светильник. М., 1983. С.201.
22. **Simmel J.** Philosophic des Jeldes. Berlin, 1958. S.413, 433.

23. См.: **Тоффлер О.** 1) Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.250-275; 2) Раса, власть и культура // Там же. С.276-288; 3) Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. 1987. №5. С.118-131.
24. **Гернет М.Н.** Избранные произведения. М., 1974. С. 111,119, 375.
25. Точка зрения Д. Локвуда (1956 г.) в изложении: **Гернер Дж.** Структура социологической теории. М., 1985. С.125-126.
26. Цит. по: **Денисов В.В.** Проблема социального насилия в современной буржуазной философии // Вопросы философии. 1973. №11. С.156.
27. **Белл Д.** Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М.: Прогресс. 1966. С.267.
28. **Симонов П.В.** Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982. С.105.
29. **Туровская М.** «Преступления века» и «Массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. №7. С.236.
30. **Фокс В.** Введение в криминологию. М., 1980. С.241-242.
31. **Веблен Т.** Теория праздного класса. М.: Прогресс. 1984. С.80.
32. См.: История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С.149-151, 238.
33. **Галтунг Ю.** Цит. по: **Денисов В.В.** Социология насилия. М., 1975. С.58.
34. **Фромм Э.** Иметь или быть? М., 1990; он же. Некрофилы и Адольф Гитлер // Вопросы философии. 1991. №9. С.69-160.
35. Преступность и правонарушения в СССР. 1990: Статистический сборник. М., 1991. С.41, 46, 51.
36. **Моисеев Н.Н.** Указ.соч. С.223.
37. См.: **Моисеев Н.Н.** Указ.соч. С.275-283; **Кристи Н.** Пределы наказания. М., 1985. С.81-88, 163-174.